

Цзи Саньмэй сказал:

— Чанъань, ты слышал, у соседей дерутся?

Чанъань послушно кивнул:

— Угу.

Цзи Саньмэй с искренним беспокойством продолжил:

— Что, если брат Вэй поранится? Или если Господин Дэн пострадает?

Чанъань заморгал, и на его лице явно отразилась тревога.

Цзи Саньмэй мягко подтолкнул его:

— Видишь, учитель поставил здесь барьер, я не могу войти. Я останусь здесь и посторожу, а ты иди.

Всего тремя фразами Цзи Саньмэй успешно одурачил Чанъаня. Тот наклонился, потрепал его по голове и с беспокойством сказал:

— Ты тут сиди, не шевелись, — после чего быстро побежал к соседям.

Проводив взглядом удаляющуюся спину Чанъаня, Цзи Саньмэй окинул взглядом комнату. В его глазах вспыхнули яркие талисманы цвета киновари. — А ведь в барьере может быть и слабое место, — пробормотал он себе под нос. — Например, это окно.

На самом деле Цзи Саньмэй и не надеялся разрушить барьер. Его собственных сил было ничтожно мало, и попытка сломать защиту Шэнь Фаши была сродни попытке муравья свалить дерево.

Он просто хотел попробовать — не мог же он сидеть сложа руки, когда сердце так рвалось к Шэнь Фаши.

Едва он это произнёс, как из окна донёсся сдавленный рёв, хриплый и полный отчаяния, словно вой одинокого волка.

Неужели он всё-таки проделал в барьере брешь?

Но этот крик однозначно принадлежал Шэнь Фаши. Цзи Саньмэй не успел даже как следует подумать — в несколько прыжков он взбежал по ступенькам и без всяких помех вскочил в комнату через окно.

Перемахнув через подоконник и ступив на пол, Цзи Саньмэй сам пребывал в полном недоумении.

Он не ожидал, что сможет так легко проделать дыру в барьере Шэнь Фаши.

Ощущение было такое, словно мясник с тесаком явился на турнир бессмертных мечников и с первого же удара сразил величайшую надежду всего небесного мира.

По логике вещей, Шэнь Фаши не мог допустить такой оплошности. Может, это ловушка?

Окна в комнате были наглухо закрыты, все занавески плотно задёрнуты, поэтому царил почти непроглядный мрак.

Когда Цзи Саньмэй присмотрелся, ему чуть не сорвалось с языка крепкое словцо.

В комнате не осталось ничего целого: всё было перевёрнуто, разбито, изодрано в клочья. Столы и стены разрушены, а плитка на полу превратилась в подобие паутины из трещин.

Сердце Цзи Саньмэя разбилось вдребезги, словно эта самая плитка.

Ведь этот пол он с таким трудом решил заменить восемь лет назад!

Он с болью в сердце наступил на осколки, пытаясь понять, не сон ли это, как вдруг сзади налетел ледяной ветер. Его с силой швырнуло на стену, удар был так силён, что внутренности содрогнулись, и он едва сдержал рвотный позыв.

Цзи Саньмэй почувствовал себя криветкой, расплющенной в ступке.

Он с трудом ловил воздух, с губ его стекали струйки крови, смешанной со слюной. Он попытался прикрыть рот рукой, но его с силой развернули, и чья-то рука впилась в его хрупкое горло, скользя по маленькому кадыку, будто ища самое удобное место, чтобы сдавить его окончательно.

— Учитель! — выдохнул Цзи Саньмэй, и его голос, искажённый удушьем, стал похож на предсмертный клёкот курицы.

Перед ним был Шэнь Фаши. Его лицо тонуло во тьме, а выражение было ледяным.

Услышав обращение, он нахмурился, словно пытаясь вспомнить, кто этот юнец.

Что-то было не так. Совершенно не так.

Пока мысли Цзи Саньмэя лихорадочно метались, он пытался ногами найти опору. Но его тело висело в воздухе на высоте более двух чи, а вся мебель вокруг превратилась в щепки.

Дыхательные пути были перекрыты. Он мог лишь слабыми руками давить на руку Шэнь Фаши, пытаясь приподняться и ослабить чудовищное давление на горло. — Кх... кх... м-м...

Подержав себя так несколько мгновений, Цзи Саньмэй выдохся.

Большинство нынешних заклинателей тренируют и тело, и энергию, но Цзи Саньмэй был полной противоположностью.

Даже в прошлой жизни, до того как он уничтожил свой духовный корень, он не любил физические тренировки, предпочитая путь энергии.

Цзи Лючэнь как-то спросил, почему он не развивает и тело — на случай опасности. Тогда Цзи Саньмэй затянулся сигарой и с видом знатока ответил:

— С братом Шэнем баловаться — и одного пути энергии достаточно. Да и вообще, если я буду качать и тело, и дух, то зачем тогда ты?

В этой жизни Цзи Саньмэй родился в змеином клубке рабского логова. Имея врождённый необычный духовный корень, он всё равно боялся его использовать — куда уж там думать о

тренировках тела или энергии. Лишь попав в Храм Цзюэми, он начал понемногу приводить в порядок свои энергетические каналы.

...А что до телесных практик — так это полная ерунда, нечего и учить.

Таким образом, физическая форма Цзи Саньмэя была немногим лучше куриной.

Хотя нет, это сравнение не совсем точно — курица хотя бы умеет быстро бегать, когда за ней гонятся.

Перед абсолютной силой у Цзи Саньмэя не было даже шанса вымолвить слово.

Шэнь Фаши оглядел его с ног до головы, и взгляд его был таким, словно он видел этого человека впервые.

От этого взгляда у Цзи Саньмэя закружилась голова. Он открыл рот и беззвучно прошептал:

— Брат Шэнь...

Лицо Шэнь Фаши исказилось, а взгляд стал острым, словно он хотел разорвать Цзи Саньмэя в клочья. В ярости он швырнул его на пол.

Цзи Саньмэй почувствовал, что превращается в дикобраза.

Несколько мелких осколков фарфора впились ему в спину. Он даже не успел почувствовать боль, как его волосы схватила чья-то рука и дёрнула с такой силой, что казалось — вот-вот сдерут кожу с черепа. — ...Только он может называть меня братом Шэнь.

Он уставился на лицо Цзи Саньмэя, и голос его был так холоден, что по коже побежали мурашки. — Ты что за тварь?

Цзи Саньмэя дёргали и таскали, его прекрасные глаза-персиковые цветы превратились в узкие щёлочки. Он мог лишь беспомощно открывать рот, пытаясь ослабить натяжение. С губ стекала слюна, а сам он, заливаясь слезами, прохрипел:

— Брат Шэнь... больно...

Шэнь Фаши снова нахмурился, видимо не ожидая, что после предупреждения этот малец снова полезет на рожон.

В эту короткую паузу Цзи Саньмэй разглядел странный узор в его глазах — будто змея обвила зрачки.

Шэнь Фаши поднял его, как пучок ботвы. — Убирайся. Я жду его.

Цзи Саньмэй продолжил гнуть свою линию. — Брат Шэнь.

Он осторожно подхватил его слова:

— Я пришёл. Я — Цзи Саньмэй.

Услышав это, Шэнь Фаши смутился, но имя «Цзи Саньмэй» явно на него подействовало. Он разжал пальцы и принялся вглядываться в его лицо, пытаясь найти черты того самого Цзи Саньмэя.

Спустя некоторое время Шэнь Фаши произнёс:

— Когда я нёс службу в Линтине, ты писал мне много писем. Прочти их мне.

...Когда это я тебе писал письма?

Шэнь Фаши заметил его ошеломление. Он глубоко вздохнул, и на лбу вновь сгустились тучи. — ...Значит, ты и правда обманщик. Маленький лгун.

С этими словами он прижал палец ко лбу Цзи Саньмэя с такой силой, что тому показалось — вот-вот проломают череп насквозь.

В момент, когда жизнь висела на волоске, Цзи Саньмэй изо всех сил пытался представить, что же он, будучи собой прежним, мог написать в письмах Шэнь Фаши?

Высокопарные фразы? Изысканные обороты? Анализ текущей политической ситуации? Или, может, новости о событиях в городе Чжуинь?

От этого зависела его жизнь. Если он не найдёт ответ за несколько мгновений, его голова разлетится на куски.

...Будь что будет. Либо пан, либо пропал.

Цзи Саньмэй прочистил горло. — Брат Шэнь, когда же ты вернёшься домой? Я сейчас так по тебе соскучился, что хочу быть с тобой. Только с тобой. Снова и снова. Всю жизнь.

Выражение лица Шэнь Фаши мгновенно смягчилось.

Он опустил взгляд на синеватые следы пальцев на шее Цзи Саньмэя, и на лице его появилась растерянность, словно у ребёнка, пойманного на шалости. — Саньмэй?

Цзи Саньмэй медленно выдохнул.

...Ну конечно. Ответ должен был быть именно таким, низким и пошлым.

Высокопарные фразы и изысканные обороты Цзи Саньмэй приберегал для писем посторонним. Анализ политической ситуации он никогда не стал бы доверять бумаге — для надёжности он соединился бы с сознанием Шэнь Фаши, чтобы тот услышал всё из первых уст. Что до всяких неприятных событий в городе Чжуинь — он ни за что не стал бы обременять ими Шэнь Фаши, сражавшегося на передовой в Линтине.

<http://bllate.org/book/16281/1466355>